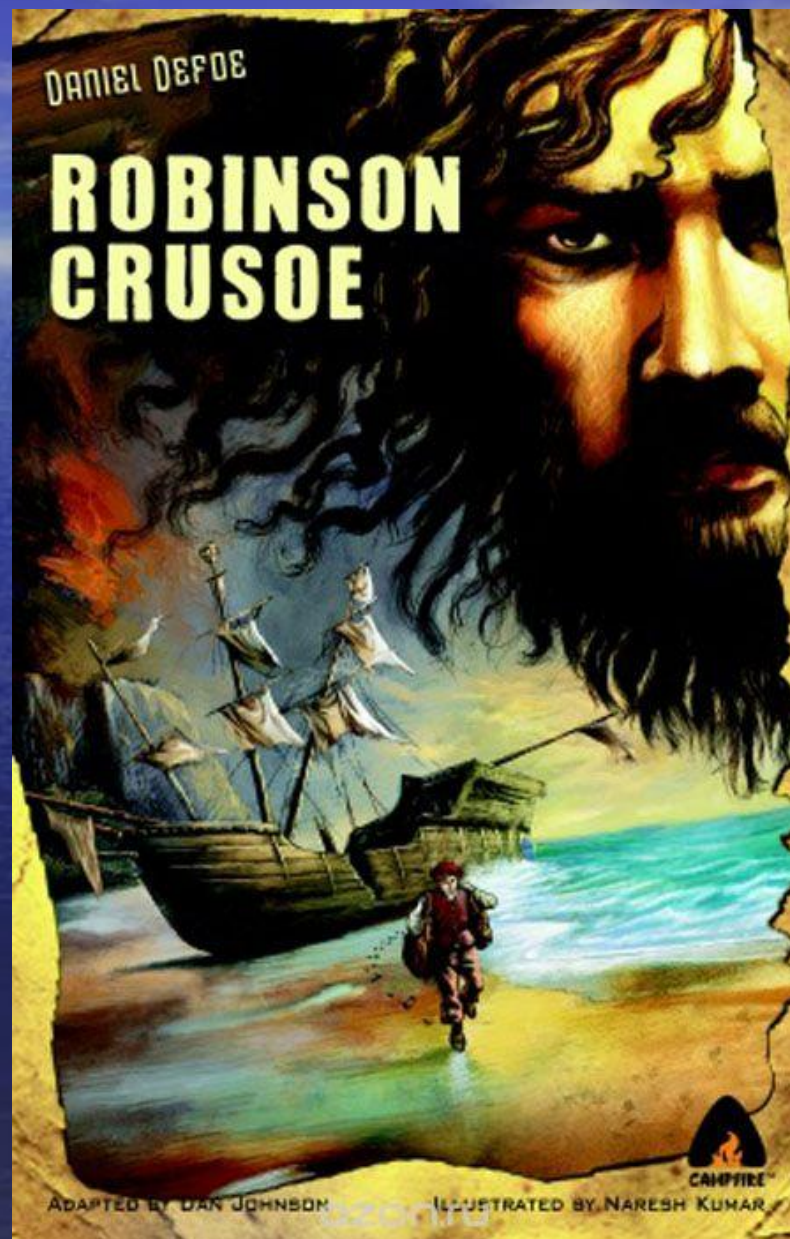
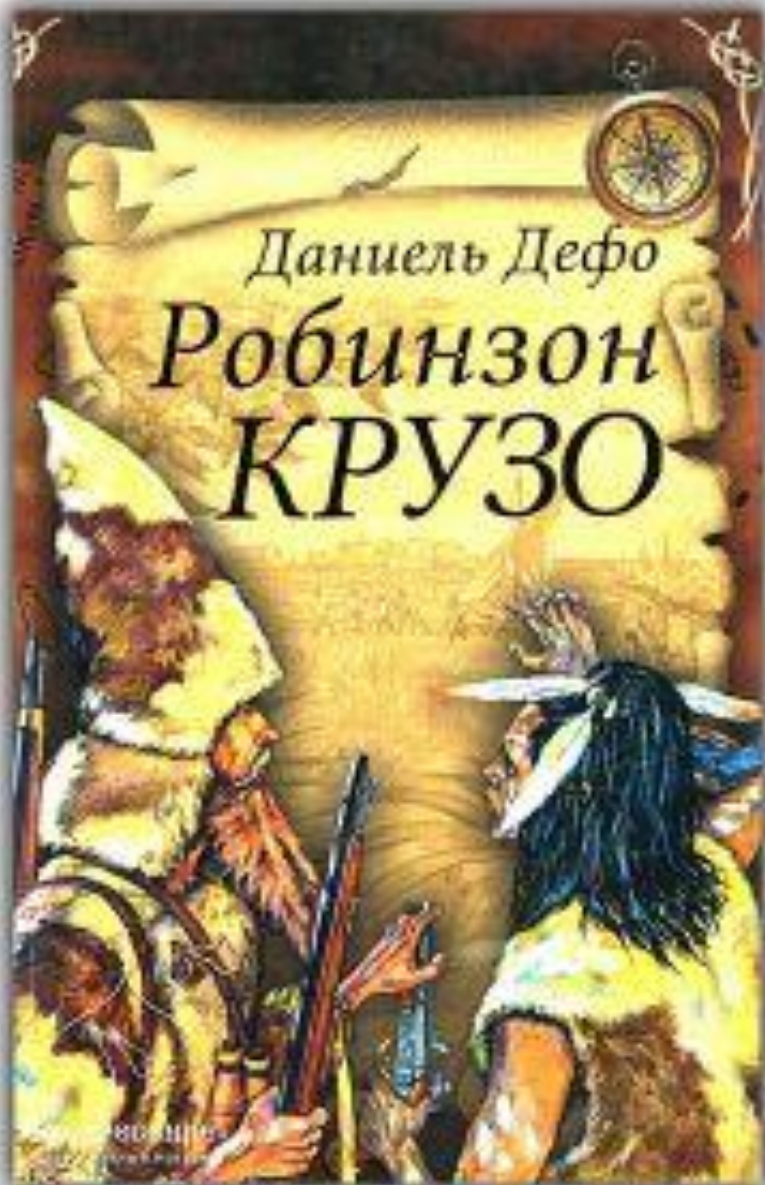
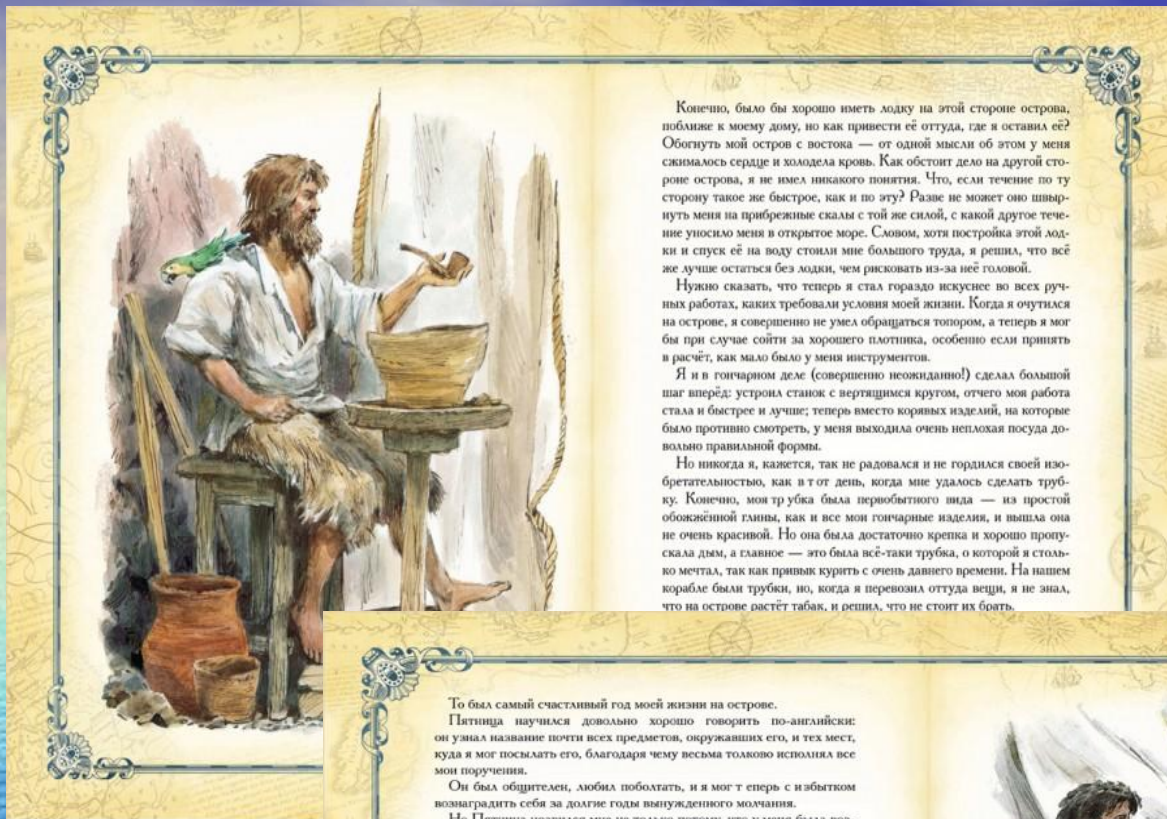

***Robinson
Crusoe***

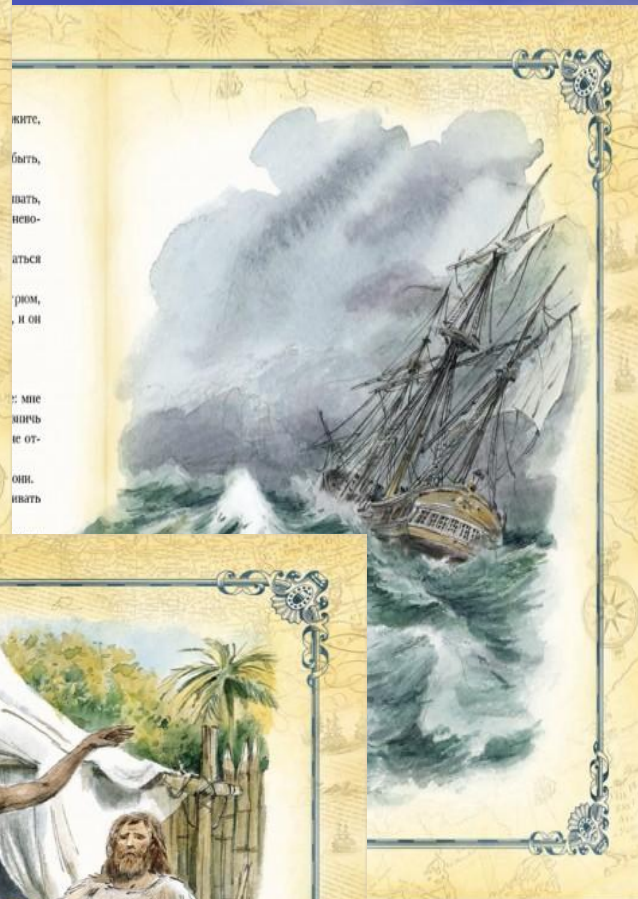
Конечно, было бы хорошо иметь лодку на этой стороне острова, поближе к моему дому, но как привести её оттуда, где я оставил её? Обогнуть мой остров с востока — от одной мысли об этом у меня сжималось сердце и холодила кровь. Как обстоит дело на другой стороне острова, я не имел никакого понятия. Что, если течение по ту сторону такое же быстрое, как и по эту? Разве не может оно швырнуть меня на прибрежные скалы с той же силой, с какой другое течение уносило меня в открытое море. Словом, хотя постройка этой лодки и спуск её на воду стоили мне большого труда, я решил, что всё же лучше остаться без лодки, чем рисковать из-за неё головой.

Нужно сказать, что теперь я стал гораздо искуснее во всех ручных работах, каких требовали условия моей жизни. Когда я очутился на острове, я совершенно не умел обращаться топором, а теперь я мог бы при случае сойти за хорошего плотника, особенно если принять в расчёт, как мало было у меня инструментов.

Я и в гончарном деле (совершенно неожиданно!) сделал большой шаг вперёд: устроил станок с вертящимся крутом, отчего моя работа стала и быстрее и лучше; теперь вместо корявых изделий, на которые было противно смотреть, у меня выходила очень неплохая посуда довольно правильной формы.

Но никогда я, кажется, так не радовался и не гордился своей изобретательностью, как в тот день, когда мне удалось сделать трубку. Конечно, моя трубка была первобытного вида — из простой обожжённой глины, как и все мои гончарные изделия, и вышла она не очень красивой. Но она была достаточно крепка и хорошо пропускала дым, а главное — это была всё-таки трубка, о которой я столько мечтал, так как привык курить с очень давнего времени. На нашем корабле были трубки, но, когда я перешёл отсюда вёдры, я не знал, что на острове растёт табак, и решил, что не стоит их брать.

жите,
быть,
пять,
нево-
аться
ром,
и он
е мне
ничё
не от-
они,
нвать

То был самый счастливый год моей жизни на острове. Питница научился довольно хорошо говорить по-английски: он узнал название почти всех предметов, окружающих его, и тех мест, куда я мог послать его, благодаря чему весьма толково исполнял все мои поручения.

Он был общителен, любил поболтать, и я мог теперь с изытком вознаградить себя за долгие годы вынужденного молчания.

Но Питница нравился мне не только потому, что у меня была возможность разговаривать с ним. С каждым днём я всё больше ценил его честность, его сердечную простоту, его искренность. Мало-помалу я привязался к нему, да и он, со своей стороны, так полюбил меня, как, должно быть, не любил до сих пор никого.

Однажды мне вступило в голову спросить его о прежней жизни; я хотел узнать, не тоскует ли он по родине и не хочет ли вернуться домой. В то время я уже так хорошо научил его говорить по-английски, что он мог отвечать чуть не на каждый мой вопрос.

И вот я спросил его о родном его племени:

— А что, Питница, храброе это племя? Случалось ли когда-нибудь, чтоб оно побеждало врагов?

Он улыбнулся и ответил:

— О да, мы очень храбрые, мы всегда побеждаем в бою.

— Вы всегда побеждаете в бою, говоришь ты? Как же это вышло, что тебя взяли в плен?

— А наши всё-таки побили тех, много побили.

— Как же ты тогда говорил, что те побили вас? Ведь взяли же они в плен тебя и других?

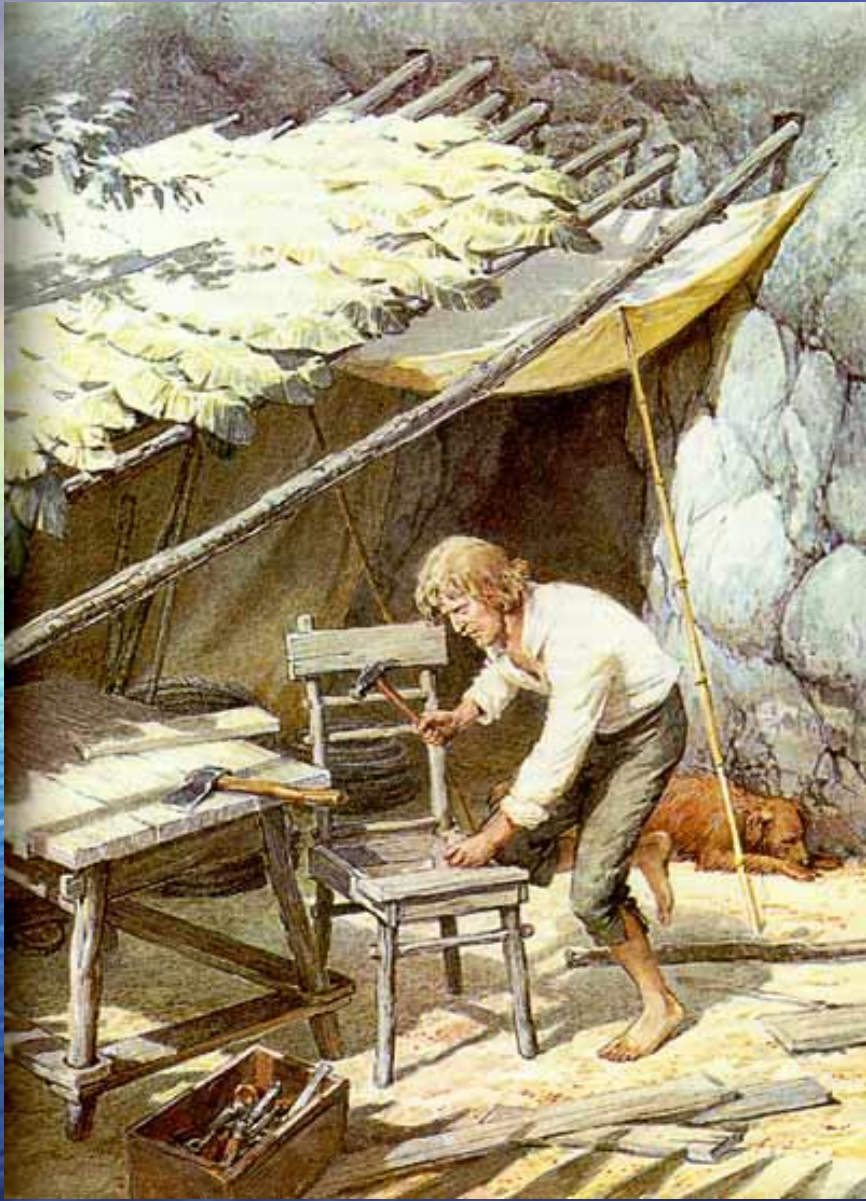
— В том месте, где я дрался, неприятелей было много больше. Они схватили нас — один, два, три и меня. А наши побили их в другом месте, где меня не было. В том месте наши схватили их — один, два, три, много, большую тысячу.

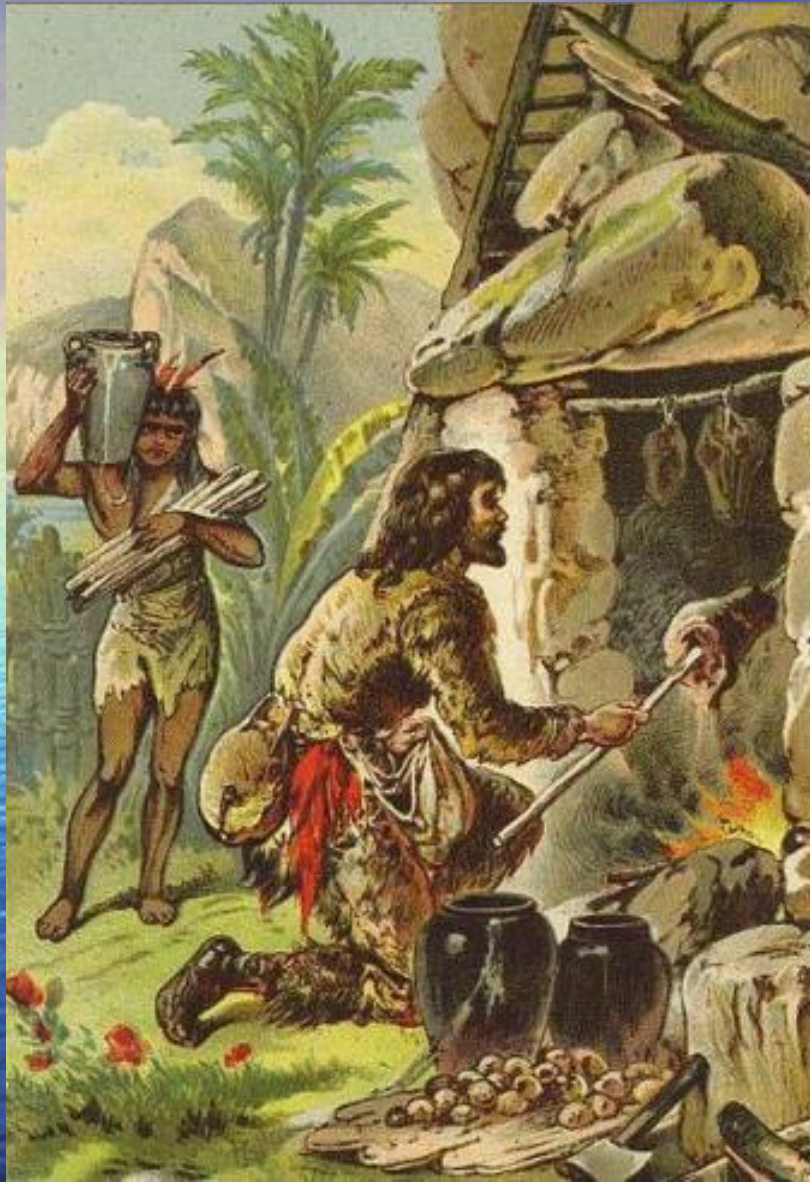
— Отчего же ваши не пришли вам на помощь?

— Враги схватили один, два, три и меня и увезли нас в лодке, а у наших в то время не было лодки.

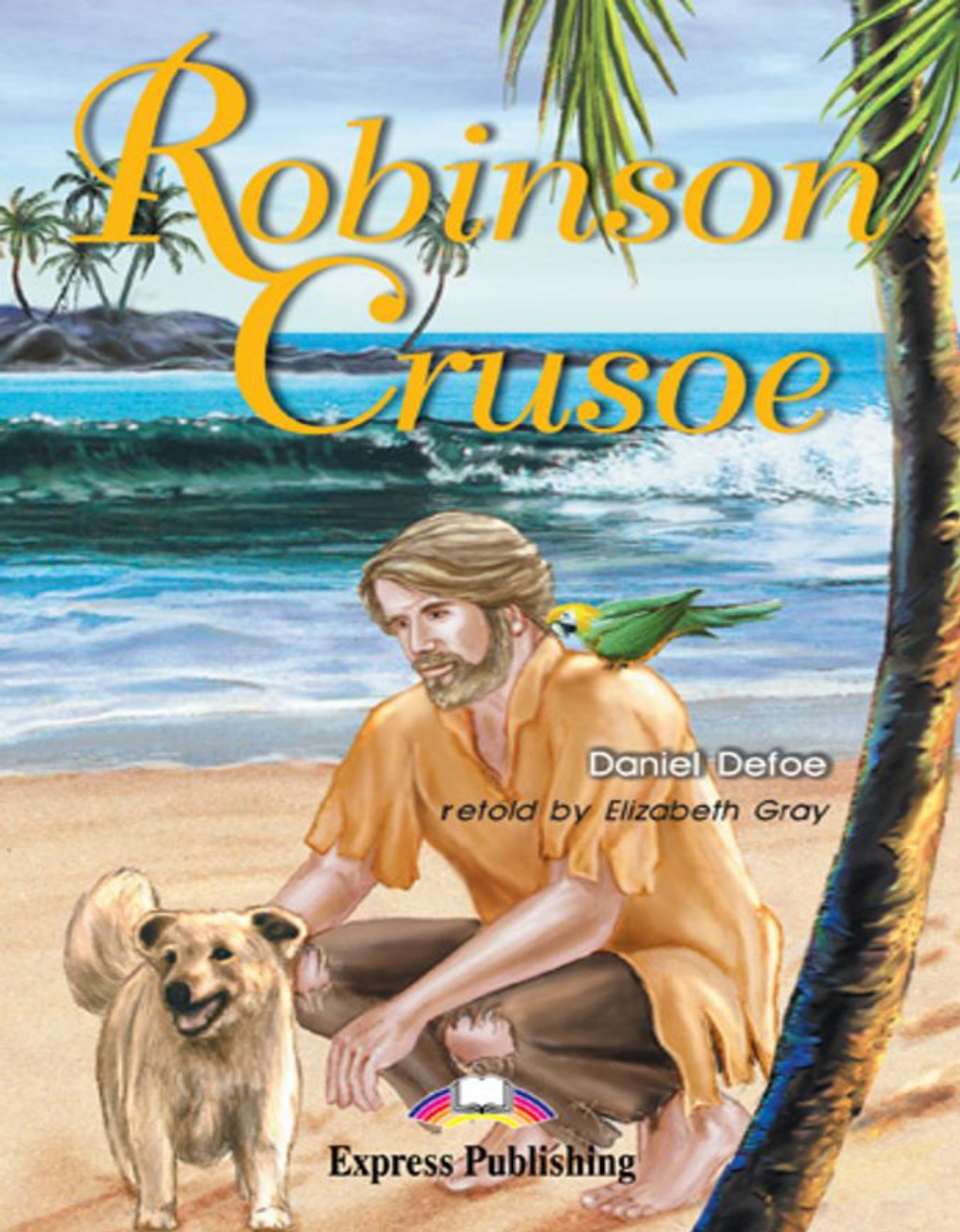

Thanks
for your attention